
Иветта
АРМЕР
18+
ОДЕРЖИМОСТЬ
вне возраста

Иветта Армер

Одержимость вне возраста

«Литнет»
2026

Армер И.

Одержимость вне возраста / И. Армер — «Литнет», 2026

Время раскололось. В ушах загудела кровь, глухо, как далёкий набат. Ответ прозвучал не сразу — целая вечность, прожитая в оцепенении, в ледяном параличе.— Я просто ждал, пока ты вырастешь. А сейчас… больше не могу ждать.Сердце оборвалось — и тотчас взорвалось в груди с такой неистовой, ослепляющей силой, что перехватило дыхание, сдавило горло стальным обручем.— Это правда? — мой собственный голос звучит чужим, надтреснутым. — Ты говоришь правду?— Катюш, я не в том возрасте, чтобы говорить то, что хотят услышать.ГГ СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ❤# откровенные сцены❤# разница в возрасте 20 лет. Он старше❤# любовь с первого взгляда❤# ХЭНе забываем добавлять в библиотеку, если книга понравилась.Ставьте "мне нравится" на главной странице книги. Это очень вдохновляет Муза и радует меня.

© Армер И., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5. Никита 14
Глава 6 16
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10. Никита 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Глава 1

Все события, описанные в этой книге, являются вымыслом.
Любые совпадения с реальными людьми, живыми или ушедшими,
а также с реальными событиями — случайны.

Глава 1.

- Ты что, мальчика во мне увидела? – сквозь распахнутое окно автомобиля прорычал Никита, и его голос резанул вечернюю тишину, как нож.

- Почему?

- Я тебе сказал: в девятнадцать ноль-ноль быть на остановке у торгового центра! – прошипел он, и каждое слово сочилось ядом. – Я прождал тебя целый час, а ты гулять вздумала? Я не успела и рта раскрыть, как он вылетел из машины и силой швырнул меня внутрь, будто тряпичную куклу. Попыталась вырваться, но мы же с подругой гуляли – не могу же я бросить её одну посреди вечера.

- Никит, прости меня, мы с Ольгой только кофе попили и всё, – пытаюсь достучаться до его остывшего рассудка.

- Катюш, тебе сейчас лучше помолчать, – отрезал он, и в голосе звякнула сталь. – Ты понимаешь, что я тебя ждал целый, мать его, час? Мне тридцать семь лет, или ты думаешь, что я, как малолетка, буду за тобой хвостом ходить?

- Я помню, кому и сколько лет, – я уже кипела, и злость обжигала горло, – ты мне не отец, чтобы морали читать!

- Ну-ну…

Машина рванула с места, и меня вжало в сиденье. Никита сжимал руль так, что костяшки пальцев побелели. Я смотрела в окно, как городские огни сливаются в одну размытую ленту, и чувствовала, как внутри разрастается что-то холодное и липкое.

- Ты думаешь, я просто так трачу своё время? – снова заговорил он, но теперь тише - от этого было ещё страшнее. – Я ради тебя бросил переговоры, а ты там с подружкой кофе распиваешь. Ты вообще понимаешь, кто я такой?

Я молчала. Не потому, что боялась — просто слова застревали в горле. Каждое его "ты должна" превращалось в гирю, которую он вешал мне на шею. Мы въехали во двор его дома, и он заглушил мотор. Наступила тишина, такая густая, что её можно было резать. Я открыла дверцу, но он схватил меня за запястье.

- Сядь. Мы не закончили. Его пальцы впились в кожу, оставляя красные следы.

— А что ты хочешь услышать, Никит? — выдохнула я, наконец повернувшись к нему. — Что я виновата? Что я испорчу тебе жизнь? Так скажи это прямо, без спектаклей. Ты ведь не из-за кофе злишься. Ты злишься, что я посмела жить по своим правилам, пока ты ждал. Мне всего восемнадцать, я хочу видеться с подругой, а не целыми днями ждать тебя у окна.

Он дёрнулся, как от пощёчины. Я видела, как в его глазах мелькнуло что-то — то ли обида, то ли ярость, то ли растерянность. Он отпустил мою руку и откинулся на спинку кресла.

- Ты даже не представляешь, что со мной делаешь. Я же стараюсь для нас, а ты… Ты просто не ценишь.

Я смотрела на его профиль, на резко очерченный подбородок, на морщины, которые пролегли у губ, и вдруг поняла: он искренне верит в то, что говорит. И это было страшнее всего.

— Ценю, — тихо ответила я. — Но я не вещь, Никит. Я не могу быть привязана к твоему расписанию, как собачка на поводке. Если мы хотим быть вместе, давай договариваться, а не требовать. А если нет — то отпусти меня прямо сейчас.

Он долго молчал, глядя сквозь лобовое стекло на тёмные окна дома. Потом повернул ключ зажигания, и музыка снова заиграла — что-то спокойное, джазовое.

- Пойдём, — бросил он, выходя из машины. — Чай будешь? Только без истерик, Кать.

Я осталась сидеть ещё на минуту, вдыхая запах кожи и его одеколона. Внутри всё дрожало, но я знала: если я войду в этот дом, я должна быть готова либо терпеть это снова, либо однажды развернуться и уйти навсегда.

- Идём, не бойся меня, я ничего тебе не сделаю плохого, - вдруг он сказал голосом, полным нежности, - только чай, ещё могу предложить мороженого, - сказал он с улыбкой.

Я вышла из машины, и вечерний воздух ударил в лицо прохладой, смешанной с запахом мокрого асфальта. Никита стоял у двери подъезда, держа её открытой, и в свете уличного фонаря его лицо выглядело почти мягким.

Я знала этот переход — от ярости к ласке, от грома к шёпоту. Это не было искренним раскаянием, это была смена тактики. Но ноги сами понесли меня вперёд, потому что внутри теплилась глупая надежда, что, может быть, на этот раз всё иначе.

Мы поднялись на третий этаж, и он возился с ключами, пока я стояла на лестничной площадке, слушая, как где-то за стеной лает собака, а сверху доносятся голоса соседей. Квартира встретила меня полумраком и запахом его жизни — дорогой парфюм, сигаретный дым, что-то острое и мужское. Он не включал свет, только прошёл на кухню и щёлкнул чайником.

Я села на высокий табурет у стойки, обхватив себя руками, и смотрела, как его широкая спина движется в темноте. Он достал две чашки, бросил в них пакетики чая, а потом открыл морозилку и вытащил коробку ванильного мороженого.

- Будешь? С шоколадной крошкой, — спросил он, и его голос звучал почти по-детски, будто ничего не случилось.

Я кивнула, хотя горло сжималось от желания заплакать или закричать. Мы сидели друг напротив друга, и чай остывал в моих ладонях. Никита молча смотрел на меня, но в его взгляде не было больше той стальной жёсткости — только усталость и что-то похожее на просьбу.

- Ты права, Кать, — сказал он вдруг, отводя глаза, — я перегнул. Просто у меня бизнес, нервы, переговоры сорвались, а ты… ты моя отдушина, понимаешь? Я хочу, чтобы ты была рядом, а когда тебя нет, я с ума схожу.

Его слова лились мёдом, но я знала, что за этим стоит. Это была ловушка — красивая, уютная, с мороженым и мягким голосом, но всё та же клетка, только стены теперь обиты бархатом. Я откусила ложку мороженого — сладкое, холодное, оно оседало на языке и таяло, оставляя привкус горечи.

- Никит, ты не можешь так со мной, — сказала я тихо, глядя в его глаза, которые в полутьме казались почти чёрными. — Ты не можешь сначала ломать меня, а потом собирать по кусочкам своими извинениями. Это не любовь. Это насилие, даже если ты не бьёшь. Он замер, ложка застыла на полпути ко рту, и на его лице мелькнуло искреннее удивление — будто я сказала что-то, о чём он сам никогда не задумывался.

- Ты серьёзно так думаешь? — спросил он, и в голосе скользнула растерянность, почти детская. Я не ответила. Лишь поставила чашку на стол и встала.

- Мне пора. Ольга ждёт, она волнуется. Завтра поговорим, когда ты остынешь по-настоящему.

Никита хотел что-то сказать, но я уже шла к двери, чувствуя, как каждый шаг даётся с трудом, как сердце колотится где-то в горле. Он не остановил меня.

Только крикнул вдогонку: - Я позвоню, Кать. Мы всё решим.

Выходя в подъезд, я выдохнула, и этот выдох был похож на освобождение. Ночь встретила меня тишиной и звёздами, и я поняла: завтра я не возьму трубку. Хотя бы одно утро — только моё.

Всю минувшую ночь я вновь переживала тот день, когда впервые увидела Никиту. Тогда я ещё не знала его имени — для меня он был просто Кеном, женихом Барби. Красивый, высокий, взрослый — а я, маленькая девочка, влюбилась в него с первого взгляда, безоглядно и навсегда.

Глава 2

Глава 2.

12 лет назад

Летняя жара стояла уже не первую неделю, и я всё свободное время проводила на улице. Можно было гонять на велосипеде или носиться в казаки-разбойники, пока сентябрь не позвал нас в первый класс. Родители то и дело пытались усадить меня за букварь, но я, изворачиваясь ужом, отбивалась от этой затеи и упрашивала дать мне ещё хоть чуточку поиграть.

— Кать, ну давай я повезу коляску, — жалобно протянула Ольга. — Ты уже много раз возила, а я всего два.

— Оль, ну дай ещё чуть-чуть, — ответила я. — Вон, до того дома — и обещаю, отдам.

— Это вообще-то моя коляска, — не унималась подруга.

— Да, твоя, — согласилась я. — Но кукла-то моя, — решила не отставать в этой игре «моя-твоя».

Мы так и шли с Ольгой, выясняя, чья очередь катить коляску, и как раз в этот момент остановилась машина.

Большая, чёрная, она замерла напротив моего дачного участка. Я подошла поближе — да, любопытство во мне всегда било ключом. В машине сидели двое мужчин: один дедушка, другой молодой. Они неторопливо, с ленцой вышли из салона и направились к участку.

— Стойте! — крикнула я, вылетая на дорогу прямо перед ними. — Вы куда? Это участок бабы Зины, она сейчас в городе.

Дедушка остановился, прищурился, глядя на меня сверху вниз. Солнце слепило глаза, но я не отводила взгляда. Молодой, тот, что повыше, хмыкнул и обернулся к машине.

— Так это нам и надо, — сказал дедушка спокойно. — Мы к ней в гости, внучка. Она нас ждёт.

Я засомневалась. Баба Зина никогда не говорила, что к ней кто-то приедет, а я знала почти всех её знакомых. Но мужчина говорил уверенно, без тени сомнения. Ольга дёрнула меня за рукав: «Кать, пошли, а то коляску заберут». Я махнула ей: погоди, мол.

— А ключи у вас есть? — спросила я настырно. — Калитка заперта.

Дедушка улыбнулся, достал из кармана связку — большую, старую, на ржавом кольце.

Он перебрал несколько ключей, показал мне один, самый потёртый:

Вот этот, видишь? Зина дала ещё месяц назад, когда мы договаривались.

Я присмотрелась — ключ и правда подходил к замку бабы Зины, я его сто раз видела.

— Ладно, — буркнула я, отступая. — Только она говорила, что вернётся в субботу.

Мужчины переглянулись. Молодой, наконец, подал голос: «Так сегодня и есть суббота». Я открыла рот, но не нашлась что ответить. Дни летели так быстро, что я сбилась со счёта. Ольга уже тащила меня за руку, и я, нехотя, позволила увести себя прочь, но то и дело оглядывалась.

Машина осталась стоять у калитки, чёрная, блестящая на солнце. Из окна второго этажа дачного домика я видела, как дедушка с молодым вошли во двор, как зажегся свет в веранде — хотя на улице ещё было светло. Мама крикнула, чтобы я шла ужинать, и я побежала в дом, но в голове всё вертелась мысль: почему баба Зина ничего не сказала, что к ней приедут? И зачем этим людям такой большой чёрный автомобиль в нашем маленьком посёлке, где даже асфальта нет на половине улиц?

— Оль, ты видела, какой он красивый? – спросила вдруг я у подруги.

— Ты что, они же старики! – засмеялась подруга.

— Нет, тот, который второй, он же, как Кен у Барби, — возразила я.

На следующее утро я проснулась от странного звука — будто кто-то колотил по металлу. Выглянув в окно, я увидела, что калитка бабы Зины распахнута настежь, а возле крыльца стоит тот самый чёрный автомобиль, только теперь его багажник был открыт, и молодой мужчина в белой рубашке вытаскивал оттуда какие-то свёртки.

Дедушка сидел на лавочке у входа, курил и смотрел куда-то вдаль. Сердце моё заколотилось — что-то здесь было не так. Баба Зина никогда не разрешала чужим оставаться в её доме без неё, а тут они явно обживались: на верёвке между деревьями уже висело полотенце, а из трубы шёл лёгкий дымок.

Я быстро оделась и выскользнула из дома, пока мама возилась на кухне. Подбежав к забору, я притаилась за кустом сирени и стала наблюдать. Молодой мужчина — тот самый, что показался мне похожим на Кена, — вдруг обернулся и посмотрел прямо в мою сторону. Я замерла, но он лишь улыбнулся и помахал рукой.

— Привет, сыщица! — крикнул он. — Иди сюда, не бойся. Я тебе покажу кое-что интересное.

Любопытство пересилило страх, и я, подумав секунду, вышла из укрытия и направилась к калитке.

Дедушка притушил сигарету и кивнул мне, будто старой знакомой.

— Ну что, внучка, не спится? — спросил он.

— А мы тут решили порядок навести. Зина нас попросила домик подлатать, пока её нет. Крыша вон прохудилась, веранду подкрасить надо.

Мужчина повёл меня в дом. Внутри всё изменилось: на столе стоял ноутбук — такого я никогда не видела у бабы Зины, — а на полу лежали какие-то чертежи.

— Мы архитекторы, — пояснил молодой, заметив мой удивлённый взгляд.

— Баба Зина хочет перестроить дачу, сделать её современной. А это наш проект. Он показал мне рисунок — и правда, на нём был её участок, но вместо старого домика стоял красивый двухэтажный терем с большими окнами.

Я почувствовала, как внутри меня отпускает напряжение. Всё объяснилось: ключи, приезд, шум. Но когда я уже собиралась уходить, молодой архитектор вдруг сказал тихо, почти шёпотом:

— Только ты никому не говори, что мы здесь. Это сюрприз для бабы Зины. Она вернётся, а тут — красота.

Я кивнула, чувствуя себя частью какого-то большого секрета. Выбежав на улицу, я столкнулась с Ольгой, которая уже катила свою коляску с куклой к песочнице.

— Ну что там? — спросила она с нетерпением.

— Всё нормально, — ответила я, стараясь не улыбаться слишком широко.

— Просто приехали люди бабы Зины. А про красивого Кена я решила пока умолчать — пусть Ольга сама всё увидит, когда они выйдут во двор.

До самого вечера я теперь слонялась от нашего участка к участку бабы Зины, украдкой впиваясь взглядом в Кена. Он был до того красив — будто сошел с глянцевой страницы дорогого журнала, из мира, где всё сияет и не тускнеет. И с той поры, сама не знаю, откуда, во мне поселилась мечта: когда вырасту, он станет моим мужем.

Глава 3

Глава 3.

В течение нескольких дней я, словно тень, скользила от нашего участка к владениям Кена. Выискивала любой предлог, чтобы хоть украдкой, хоть мельком поймать его взглядом. Я не могла отвести от него глаз; любовалась им и втайне мечтала, что однажды он станет моим мужем.

— Катюша, ты сегодня читала книгу? — спрашивает мама, и голос её струится мягко, будто утренний свет. — Ты ведь помнишь, девочка моя, что первого сентября ты идёшь в первый класс?

— Конечно, — отвечаю я, и в голосе моём звенит нетерпение. — Скорей бы в школу! Я тогда быстрее начну расти, правда, мамочка?

— Доченька, не торопись взрослеть, — нежно отвечает она, и слова её ложатся на сердце тёплым пледом. — Наслаждайся детством, моя хорошая.

— Я хочу быть взрослой, — не унимаюсь я, и в глазах моих горит упрямый огонёк.

— Будешь взрослой, когда придёт время, — говорит она, и в голосе её — мудрость и бесконечная нежность. — А сейчас не торопи время, малышка.

Время шло, мама всё чаще напоминала, что нужно повторять буквы, которые мы учили, и хорошо бы научиться читать бегло, а не по слогам. Я украдкой бегала на участок бабы Зины — я не могла иначе, меня жгло безумное желание смотреть на Кена, но так, чтобы он не замечал.

Переделка дома уже заканчивалась, и я боялась, что больше никогда не увижу ЕГО. Однажды мы с мамой шли из магазина, уже подходили к своей калитке, когда знакомая машина остановилась у ворот бабы Зины. Из машины вышел сначала Кен, потом какая-то молодая женщина. Он взял её за руку и хотел пройти на свой участок, но увидел нас.

— Здравствуйте, Нинель Петровна! — вдруг поздоровался он с мамой. — Привет, сыщица, — продолжил он.

— Добрый день, Никита, — ответила мама. — Ты сегодня не один приехал?

— Да, это моя девушка, познакомьтесь — это Маргарита, — ответил Кен.

— Маргарита, можно просто Марго, — быстро отозвалась она и растянула улыбку от уха до уха. — Мне очень приятно с вами познакомиться. Никита очень много о вас рассказывал. А это сыщица-Катюша, — переключила она своё внимание на меня.

— Мымра… — сказала я, и так получилось, что произнесла это слово вслух.

Все почему-то засмеялись, а мне с этого момента стало уже не до смеха. Я понимаю: я ещё маленькая, и на меня никто не обращает внимания. Но я ещё тогда, когда он только появился у нас на соседнем участке, уже тогда поняла, что хочу, чтобы он стал моим мужем, когда вырасту.

Для меня он был идеалом мужской красоты, доброты — а теперь какая-то тётка стоит с ним и держит его за руку. Он называет её своей девушкой.

— Интересно, — витала я в своих мыслях, — а девушка — она что делает? Наверное, она ему машинки в магазине покупает. — Мыслительный процесс не унимался.

— Мам, а что такое девушка? — решила я спросить.

— Хм… — мама вздохнула. — Девушка — это подруга, с которой можно сходить в кино или погулять. А ты чего это заинтересовалась этим вопросом?

— Да так, — ответила я. — Интересно.

Вечером я сидела на крыльце и смотрела на забор, за которым скрылся Кен с этой Марго. В голове крутились их слова, смех, её наглая улыбка. Я сжимала кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони. Как она смела, трогать его за руку? Как он позволил ей стоять рядом и называть её своей девушкой?

Я решила, что это временно. Просто она — взрослая тётка, и он пока не разглядел меня настоящую. Но когда я вырасту, я стану красивее любой Марго, и тогда он всё поймёт.

На следующий день я не пошла к бабе Зине. Впервые за долгое время я осталась дома и сидела в своей комнате, перебирая старые игрушки. Мама заметила моё молчаливое настроение и спросила, не случилось ли чего. Я лишь пожала плечами и сказала, что у меня болит живот. На самом деле внутри меня бушевала целая буря обид и ревности, которую я не умела выразить словами.

Я взяла альбом и начала рисовать. Я рисовала высокий дом, рядом с ним — мальчика и девочку, которые держатся за руки. Девочка была с косичками, как у меня, а мальчик — с тёмными волосами, как у «Кена». Я подписала внизу корявыми буквами: «Катя и Никита».

Мама заглянула через плечо, но ничего не сказала, только погладила меня по голове.

Через три дня я снова не выдержала. Я открыла калитку и оказалась на участке бабы Зины. Там пахло свежей краской и деревом. Рабочие уже убрали лестницы и инструменты, дом стоял обновлённым, с новыми окнами и крыльцом. Я спряталась за кустом сирени и стала ждать.

Сердце колотилось где-то в горле. Вскоре из дома вышли «Кен» и эта Марго. Она что-то весело рассказывала, а он улыбался и кивал. Потом она чмокнула его в щёку и села в машину. Кен помахал ей рукой, и машина уехала. Я выдохнула. Значит, её нет. Значит, сегодня он ничей.

Я вышла из своего укрытия и направилась к «Кену». Он как раз поливал цветы у крыльца.

- О, сыщица явилась! А я думал, ты забросила свою слежку, - сказал он, увидев меня и улыбнулся.

- Я не слежу. Я просто мимо шла, - насупилась я.

Он рассмеялся, но смех его был добрым, не обидным. Я подошла ближе и спросила напрямик.

- Никит, а ты женишься на той тётке?

Он на мгновение опешил, потом присел на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне.

- Ну, пока рано об этом говорить. Мы просто встречаемся. А почему ты спрашиваешь?

Я посмотрела ему прямо в глаза

- Потому что я вырасту и стану твоей женой. А Марго пусть идёт в своё кино, - я посмотрела ему в глаза и ответила.

«Кен» замер, потом тихо засмеялся и потрепал меня по макушке.

- Ты забавная, Катюш. Подрастай, посмотрим, — сказал он и ушёл в дом, оставив меня стоять посреди двора с пылающими щеками, и бешено бьющимся сердцем.

Глава 4

Глава 4.
2 месяца назад

— С днём рождения, доченька! — голос мамы прозвучал мягко и тепло, как первый луч солнца. — Будь всегда такой красивой, доброй, отзывчивой!

— Спасибо, мамуль! — я улыбнулась во весь рот, — мы с друзьями собираемся отметить в клубе.

— Конечно, иди, милая. До встречи!

Торжество решили устроить в субботу, а сегодня — лёгкий разбег в ночной клуб «РЭД». Он в получасе езды от дома. И вот он, мой рубеж: сегодня мне стукнуло восемнадцать. Теперь я могу не мчаться домой к десяти вечера, а задержаться до поздней ночи — сама себе хозяйка.

— Урааа! Я взрослая! — выкрикнула я и плюхнулась на кровать звездочкой, раскинув руки и ноги. — Наконец-то свершилось!

— Поздравляю ещё раз! — донеслось из коридора.

Я выбрала коралловое платье чуть выше колена, туфли на тонком каблуке. Волосы собрала в высокий хвост, на губы — лёгкий блеск.

— Красотка, — шепнула я своему отражению.

— Даже не сомневайся, ты самая красивая девочка, — мама заглянула в комнату и улыбнулась. — Скоро от женихов отбоя не будет.

Я обернулась, и мы обе рассмеялись.

— Какие женихи, мам? Меня никто не интересует.

— Придёт время — встретишь такого человека, вот увидишь.

— Хорошо. Пока, мам. Не жди меня, я буду поздно.

Через несколько часов мы с друзьями уже сидели за столиком в «РЭД». Грохот музыки, вспышки света — и в груди трепетало что-то новое, взрослое, свободное.

— За тебя! За твои восемнадцать! — крикнул Стас, поднимая бокал с соком. Остальные подхватили, и мы чокнулись, смеясь и чуть не проливая напитки на скатерть. Ольга, моя лучшая подруга, уже успела заказать нам по коктейлю «Безалкогольное мохито», но я тайком попросила бармена добавить в свой немного рома — хотелось почувствовать себя по-настоящему взрослой. Первый глоток обжёг горло, и я закашлялась, чем вызвала новый взрыв хохота.

— Ну, ты даёшь, именинница! — Лёня покачал головой, но в глазах его плясали весёлые искры. — Давай-ка лучше танцевать, пока мы тут не уснули.

Мы высыпали на танцпол. Свет прожекторов резал глаза, басы вибрировали в груди, и я растворилась в этом ритме — бездумно, свободно, впервые не оглядываясь на часы. Ольга кружилась рядом, размахивая руками, а Стас пытался изобразить что-то похожее на брейк-данс, но получалось скорее смешно, чем профессионально. Я смеялась до слёз, чувствуя, как отпускает школьная усталость, как тает привычная скованность.

Через час подруга дёрнула меня за рукав: «Пошли на улицу, проветримся». Мы вышли на маленькую террасу, где висели гирлянды, и пахло жасмином от кустов у забора. Ночной воздух обдал прохладой, и я выдохнула — шум клуба остался за спиной приглушённым гулом.

— Ну как ощущения? — Ольга закурила, хотя раньше никогда не курила при мне. — Взрослая жизнь — она того стоит?

Я задумалась. Перед глазами мелькнуло мамино лицо, её тёплая улыбка, потом — строгие учителя в школе и бесконечные уроки. А теперь — только этот вечер, только свобода решать, когда вернуться домой.

— Стоит, — ответила я тихо, но уверенно. — Я давно этого ждала.

Когда мы вернулись за столик, парней уже не было — они ушли играть в бильярд в соседнем зале. Мы с Ольгой заказали ещё по коктейлю и просто сидели, глядя на мельтешение танцующих тел.

В этот миг я ощутила на себе чей-то взгляд — липкий, тягучий, будто прикосновение. По телу пробежала армия мурашек, собравшись в трепетный узел где-то на макушке. Я узнала это состояние: оно пришло из детства, из тех дней, когда я смотрела на своего соседа Никиту — или Кена, как я его называла. Вдруг Оля наклонилась ко мне и выдохнула почти в самое ухо:

— Только не оборачивайся. За нами следит какой-то мужик, — она игриво повела бровями. — Я его не знаю.

— Какой мужик? — не сдержалась я и развернулась всем корпусом назад.

Хватило одного взгляда. Он стоял в нескольких шагах от нашего столика — безумно красивый. Именно такой, каким я видела его в свои шесть. Я смотрю ему в глаза и не в силах не то что отвернуться — я даже моргать не могу.

Время остановилось. Воздух вокруг словно загустел, превратившись в кисель, сквозь который каждое движение давалось с усилием. Я смотрела в эти глаза — голубые, с прозрачной, почти ледяной радужкой, и где-то в самой глубине сознания вспыхнуло узнавание. Это был он. Никита, который долгие годы жил в моей голове: я рисовала его в альбомах, шептала ему тайны по ночам, представляла, как мы гуляем по крышам и спасаем вымышленные миры. Но сейчас он стоял здесь — из плоти и крови, с той самой родинкой над левой бровью, которую помнила еще с детства..

Оля что-то говорила, но я слышала её голос как сквозь толщу воды. Тело перестало слушаться: ладони вспотели, сердце колотилось где-то в горле, а в груди разрасталось странное, пьянящее тепло.

Он не отводил взгляд — смотрел на меня в упор, и в этом взгляде не было ни тени сомнения или случайности. Он знал меня. Он искал меня. Я вдруг поняла это с абсолютной, пугающей ясностью: все эти годы, пока я хоронила свои детские фантазии в пыльных ящиках памяти, он существовал где-то рядом, ждал подходящего момента, чтобы материализоваться.

— Ты бледная как смерть, — Оля тронула меня за плечо, и я вздрогнула, выныривая из оцепенения. — Да что с тобой?

Я не ответила. Вместо этого я медленно поднялась, опираясь дрожащими руками на столик. Ноги слушались плохо, но я сделала шаг в его сторону. Он ждал, чуть склонив голову набок, и на его губах заиграла едва заметная улыбка — та самая, которую я помнила из своих снов.

Расстояние в несколько метров казалось бесконечным, но я шла, чувствуя, как реальность расползается по швам. В какой-то момент мне показалось, что вокруг исчезли звуки кафе, исчезли люди, остались только мы двое — я и воплощение моей детской влюбленности.

Когда между нами остался всего шаг, он заговорил первым. Голос у него все такой-же низкий, бархатистый, с едва уловимой хрипотцой, от которой у меня перехватило дыхание:

— Ты меня помнишь? — спросил он просто, будто мы расстались вчера.

Я открыла рот, но горло пересохло настолько, что первый звук вышел скомканным, похожим на всхлип. Он терпеливо ждал, и в его глазах плясали смешинки — не злые, а какие-то тёплые, родные.

Я кивнула, а потом, собрав остатки смелости, выдавила из себя:

— Никита? Это правда, ты?

Он рассмеялся — негромко, но искренне, и от этого смеха по моей спине пробежали новые мурашки, но уже не от страха, а от странного, почти болезненного счастья. Он шагнул ближе, и теперь между нами не осталось даже сантиметра воздуха.

— Наконец-то я тебя нашёл, — прошептал он, и в этом шёпоте слышалась целая жизнь, прожитая в ожидании. — Ты даже представить себе не можешь, как долго я этого ждал.

Глава 5. Никита

Глава 5. Никита

Я уже переступил порог офиса агентства недвижимости — встреча была назначена на это время, — когда увидел её. Девушка… сколько же ей? Восемнадцать? От силы девятнадцать — не больше.

На ней платье до середины колена, туфли-лодочки и лёгкий плащ. Точёная фигура, осиная талия, грудь… интересно, третий или всё-таки неполный четвёртый?

Я смотрел на неё и не мог отвести взгляда — будто неведомая сила притянула меня, словно мощнейший магнит. Боюсь даже моргнуть: вдруг она исчезнет, растворится в воздухе, как видение.

А походка… она не идёт — словно плывёт по волнам, едва касаясь земли. Боже… какая же красивая девушка! Но откуда это щемящее чувство, будто я уже видел её раньше?

Девушка идёт мне навстречу, но даже не смотрит на меня: она увлечённо разговаривает с кем-то по телефону. — Оль, я же говорю тебе, вечером встретимся и обсудим всё.

— Интересно, что они с какой-то Олей собираются обсуждать? — мысли моментом переключились на разговор этой девушки и её собеседницы.

— Договорились… пока, — ответила она в трубку и, видимо, отключилась, но даже не удосужилась посмотреть по сторонам.

Я зашёл в кабинет и обратился к секретарю… секретарше, если быть точным. Вид у девицы вульгарный — даже не стесняется, что в поиске «папика»: разрез на юбке по самые уши.

— Никита, проходите, пожалуйста, — расплылась в улыбке Лариса, старший менеджер отдела по продажам коммерческой недвижимости, — я подготовила вам несколько вариантов, давайте приступим.

— Хорошо… чем быстрее начнём, тем быстрее закончим, — ответил я.

Два часа Лариса мне показывала и рассказывала об объектах во всех красках, выводила все плюсы и минусы. А я? Я ничего не слышал, мои мысли были с этой девушкой.

Меня не покидало ощущение, что я где-то её видел. Может, в магазине? Может, в Сочи неделю назад? Лицо… лицо её мне очень знакомо…

Я вышел из офиса, раздражённо хлопнув дверью автомобиля. Лариса так и не поняла, что я не слушал её презентацию — она продолжала щебетать, пока я не прервал её на полуслове и не сослался на срочные дела. Всё, что я вынес из встречи, — это визитка с навязчивым запахом её духов. Но сейчас меня волновало другое. Я сидел в машине, глядя на вход в бизнес-центр, и ждал. Сам не знал чего. Или кого. Просто чувствовал, что не уеду, пока не увижу её снова.

Минут через десять она вышла. Всё так же — с телефоном в руке, но теперь не разговаривала, а быстро печатала сообщение. Плащ распахнулся, и я заметил на поясе бейдж с логотипом этого же бизнес-центра.

Она работает здесь? Стажёрка? Курьер? Секретарь? Я завёл двигатель и медленно поехал за ней, держа дистанцию. Она свернула в переулок, вошла в неприметную дверь с табличкой «Студия танцев». Я остановился, заглушил мотор и понял: я веду себя как сталкер. Но остановиться не мог.

На следующий день я снова приехал в агентство, на этот раз без записи. Сказал Ларисе, что хочу пересмотреть один из объектов. В холле я увидел её — она стояла у стойки ресепшена и раскладывала документы по папкам. Я подошёл, делая вид, что изучаю стенд с объявлениями.

Она подняла голову, и наши взгляды встретились. На секунду. У неё были серо-голубые глаза, почти прозрачные, и в них мелькнуло что-то — узнавание? Или показалось? Она тут же опустила взгляд и отошла в подсобку.

Мне потребовалось три дня и пятьсот рублей чаевых охраннику, чтобы узнать её имя — Катерина. Студентка первого курса, подрабатывает в агентстве по выходным.

Жила с матерью в спальном районе, родного отца нет. Сейчас проживает с отчимом в охраняемом загородном поселке. Мать несколько лет назад вышла замуж. Самая обычная биография. Но внутри меня что-то кричало: это не совпадение. Я перебирал в памяти всех знакомых, коллег, друзей семьи, но её лицо никак не вписывалось ни в один из моих миров.

Она была оттуда, где я никогда не бывал. Или оттуда, откуда я ушёл слишком давно.

Вечером в баре встретился с другом детства. Олег — мой кореш, с ним хоть куда, как говорится, и в огонь, и в воду. Бабник редкостный, но это не моё дело. Вот и сегодня он в окружении сразу двух красоток, которые заглядывали ему в рот в надежде на похвалу.

— Никит, ты с нами?

— Да, я тут с вами, — ответил другу, —прости задумался.

— Колись — кто она?!

Друг начал задавать вопросы, ответы на которые я не знал и сам, но очень хотел бы их получить в ближайшее время.

У меня не выходила из головы незнакомка — Катя. Она как будто из прошлого и будущего одновременно. Такого не может быть, но ощущение именно такое.

Крутится на языке, что знаю, а я не знаю. Ну как такое может быть?

— Ахаха… может, это твоя бывшая соседка? — парировал друг. — Прикинь, это она?! Ну та, которую ты, кажется, называл сыщицей. Как ты говорил, подругу её как звали?

— Подругу? Оля… кажется, так звали подругу, — ответил я, закатив глаза до самого затылка. — Какой ты любопытный!

— А эту девушку? Катя, говоришь?

— Блять… не может этого…

— Может, брат. В жизни всё может быть, — ответил Олег и заржал в голос. — Она же, если я правильно помню, хотела, чтобы ты на ней женился, когда она подрастёт?! Поздравляю… Катюша выросла…

Я замер с бокалом в руке, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Воспоминания хлынули мутным потоком — дача, лето, соседский дом, где жила смешная девчонка с косичками и вечно испачканными коленками.

Она ходила к нам на участок, пока я там находился с отцом, и клялась, что, когда вырастет, обязательно выйдет за меня замуж. Я тогда посмеивался. А её подружку Олю я помнил смутно — та была тихой, вечно пряталась за Катькину спину. Но как та девчонка могла превратиться в эту неземную красавицу? Прошло лет двенадцать, она изменилась до неузнаваемости.

Олег хлопнул меня по плечу, выдёргивая из оцепенения.

— Ты чего, Никит? Побледнел как полотно. Говорю же — бывшая соседка. Она, кстати, на тебя тогда смотрела так, будто ты божество спустившееся. — Он засмеялся, но я не разделял его веселья.

Глава 6

Глава 6.

— Никита? Это правда, ты?

Он рассмеялся — негромко, но искренне, и от этого смеха по моей спине пробежали новые мурашки, но уже не от страха, а от странного, почти болезненного счастья. Он шагнул ближе, и теперь между нами не осталось даже сантиметра воздуха.

— Наконец-то я тебя нашёл, — прошептал он, и в этом шёпоте слышалась целая жизнь, прожитая в ожидании. — Ты даже представить себе не можешь, как долго я этого ждал.

Я смотрю на него — и не в силах отвести взгляд. Не верю, что это он. Словно сошёл с небес, и если я сейчас начну моргать, он просто исчезнет, растает, как сон на рассвете.

Так долго… Господи, так долго я рисовала эту встречу в своих снах. Сотню раз репетировала перед зеркалом каждый вздох, каждый взгляд, каждое дрожащее слово. А теперь он стоит напротив — и прожигает меня насквозь, а я — онемела. Ни звука. Только сердце — в горло.

— Я… у меня… — голос срывается, но я заставляю себя, — день рождения. Восемнадцать. Мы отмечаем с друзьями. А ты… ты пришёл.

— Детка, я знаю. Я всё о тебе знаю, — его голос — как тёплый ветер. — Я пришёл к тебе. Хочу, чтобы твой восемнадцатый мы встретили вместе. Если ты позволишь, конечно.

— Позволю? — я почти смеюсь, хотя слёзы уже щиплют глаза. — Я тебя ждала… всегда. Каждую проклятую секунду. Ты был просто картинкой в моей голове, фантомом, который я сама же и выдумала. А ты — настоящий. Можно… можно я тебя потрогаю?

Он улыбается — той самой улыбкой, которую я рисовала тысячу раз, но никогда не могла передать правильно. Шаг вперёд, и его ладонь ложится на мою щеку, большая и тёплая. Я зажмуриваюсь, чувствуя, как земля уходит из-под ног. За спиной грохочет музыка, друзья смеются и кричат, но для меня мир сузился до этого прикосновения. Где-то в груди разбивается что-то хрупкое — страх, наверное. Или последняя стена.

— Боже, ты дрожишь, — он проводит большим пальцем по моей скуле, и я чувствую, как по спине бегут мурашки. — Пойдём. Я хочу увидеть твои глаза при свете, без всей этой толпы.

Он берёт меня за руку, и я послушно иду, даже не обернувшись на вечеринку. Мы выходим на балкон, где тихо и пахнет ночной сиренью. Фонари внизу горят жёлтыми пятнами, и в их свете его лицо кажется вырезанным из мрамора — слишком совершенным, чтобы быть настоящим. Я молчу, боясь спугнуть этот миг, но внутри меня всё кричит: «Смотри, запоминай, это твой подарок судьбы».

— Ты даже не знаешь, сколько я ночей не спал, думая о том, как скажу тебе это, — его голос низкий, чуть хрипловатый. Он сжимает мои пальцы и смотрит прямо в глаза. — Я видел тебя в каждой случайной прохожей, слышал твой смех в каждом чужом разговоре. Думал, что схожу с ума. А потом понял: я просто искал тебя. Всегда. И вот я здесь.

Слёзы всё-таки текут — горячие и солёные. Я пытаюсь улыбнуться, но губы дрожат. Он вытирает их подушечками пальцев, и я чувствую, как внутри меня расцветает что-то огромное, тёплое, почти невыносимое. Двенадцать лет ожиданий, сотни ночей, проведённых в мечтах, — и всё это оказалось правдой.

Я не видела его с тех пор, когда была ещё ребёнком. За несколько дней перед нашим отъездом он привёз ту девушку, Марго. Я до сих пор помню тот день. И пусть меня закидают камнями те, кто скажет, что такое невозможно. Возможно. И я тому подтверждение.

— Я хочу, чтобы этот вечер никогда не кончался, — шепчу я, прижимаясь к нему. — Чтобы мы стояли здесь вечно.

Он обнимает меня, и я слышу, как бьётся его сердце — ровно и сильно. Где-то далеко играет музыка, смеются люди, но для меня теперь есть только одно биение — на двоих. И я знаю: это только начало.

— Катюша… сыщица моя… — он запускает руки вмои волосы и мягко гладит по голове, — я поздравляю тебя с днём твоего рождения, — говорит Никита и смотрит мне в глаза, — желаю тебе оставаться такой же красивой, милой. Чтобы твои глаза всегда сияли от счастья.

Я почти ничего не слышу, моё тело, будто отказывается меня слушаться. Никита… он словно взял меня в плен своих глаз. Протягивает мне небольшую бархатную коробочку и вкладывает в руки.

Открываю подарок — а там цепочка и маленький кулон, выполненный в форме изящной лупы с увеличительным стеклом.

— Детка, когда я выбирал подвеску, мне хотелось, чтобы только мы с тобой понимали её смысл. Двенадцать лет назад я увидел тебя, совсем маленькую девочку, которая вела свои расследования. Ты мне тогда напоминала сыщицу. Такая любознательная, весёлая и в то же время серьёзная кнопка.

Он встаёт позади меня и застёгивает замок на цепочке, целует в макушку. А я, как заворожённая, всё ещё не верю, что он стоит передо мной. Что Никита рядом. Тот самый Никита, о котором я никогда не забывала с того мгновения, как только его увидела.

Я молчу, чувствуя, как прохладный металл ложится на кожу. Кулон будто пульсирует в такт моему сердцу, и я провожу по нему пальцами, касаясь гладких краёв лупы. В голове — каша из воспоминаний: мне шесть, я захожу на соседский участок, прячусь в кустах смородины, а мимо идёт — он, высокий и красивый. Он тогда засмеялся и сказал, что я похожа на сыщика. Я думала, что это просто слова. А он помнил. Все эти годы помнил.

— Никита… — мой голос звучит хрипло, я откашливаюсь, пытаясь проглотить ком в горле. — Я ведь тебя не забыла. Когда мы уехали, я каждый день ждала, что ты вернёшься. Я даже твою фотографию хранила — ту, случайную, где ты стоишь у машины в день нашего отъезда, снятая на плёночный «Кодак». Смотрела на неё ночами и представляла, как мы встретимся.

Он молчит, но я вижу, как дрогнули его ресницы. Никита отводит взгляд, смотрит куда-то в тёмное небо, где едва проглядывают звёзды. Потом резко выдыхает и поворачивается ко мне. В его глазах — что-то болезненное, почти виноватое.

—Я искал тебя в социальных сетях, но боялся писать. Думал: зачем? Я для тебя — чужой дядя, у которого своя жизнь. А когда случайно увидел тебя, в офисе агентства недвижимости и меня словно током ударило. Понял: если не сейчас, то никогда.

Я смотрю на его руки — они слегка дрожат, когда он поправляет воротник рубашки. Никита нервничает. Это кажется невозможным — чтобы этот уверенный, красивый мужчина, от которого веет силой и спокойствием, боялся. Боялся меня. И от этого внутри разливается тепло: я не одна в этом трепете.

— И ты приехал, — шепчу я. — Ради меня.

— Ради тебя, — эхом откликается он. — И ради того обещания, которое я дал себе двенадцать лет назад: когда-нибудь я вернусь к этой девочке—сыщице и скажу ей, что она — самое яркое воспоминание.

Я больше не могу сдерживать слёзы. Они катятся градом, и я не вытираю их — пусть видит. Пусть знает, что его слова бьют прямо в сердце. Никита притягивает меня к себе, и я утыкаюсь носом в его плечо, вдыхая запах дорогого парфюма, смешанный с терпкой свежестью ночи. Вдалеке слышен смех моих друзей, кто-то кричит моё имя, зовёт резать торт. Но я не отвечаю. Я здесь. С ним.

— Знаешь, — говорю я, отстраняясь и глядя ему прямо в глаза, — я всегда думала, что первая любовь — это сказка, которую придумывают глупые девчонки. А оказывается, это про-

сто когда ты встречаешь того самого человека в шесть лет и не можешь забыть его до восемнадцати. И он приходит. С подарком, который помнит тебя настоящую.

Никита улыбается, и в свете фонарей его улыбка кажется мне самой честной на свете. Он наклоняется и целует меня в лоб — легко, невесомо, словно я сделана из стекла. А потом берёт за руку и ведёт обратно, в шум и свет, к людям, которые ждут. Но я знаю: этот вечер мы допьём до дна вместе. И, может быть, не только этот вечер.

Глава 7

Глава 7.

Три дня минуло с той встречи, когда он отыскал меня. А я до сих пор вздрагиваю — каждой клеткой, каждой порой кожи ощущая невероятность простого факта: он меня помнит. Это эхо отзывается во мне постоянной, тихой дрожью, словно струна, задетую однажды, всё никак не может успокоиться.

Завтра суббота. Торжество в честь моего дня рождения. Совершеннолетие — в кругу, как положено, близких людей. Но что есть эта близость? Родственники, друзья родителей… Лица, скользящие по периферии жизни. Ни одно из них не задело моего сердца по-настоящему.

Я бы отдала всё, что есть, и даже то, чего нет, лишь бы этот вечер разделить с ним. В голове, как навязчивый мотив, кружится та встреча: его взгляд, его бархатный голос, который я помню до полутона. Каждую интонацию, каждую паузу между словами — я безошибочно узнала бы его настроение сквозь любые годы.

Словно не было этих двенадцати лет молчания. Словно мы расстались вчера, а на деле пролетела целая жизнь. Я выросла. Но ни на минуту не переставала о нём думать. Точно под действием старого заклинания, точно меня приворожил невидимый волшебник детства.

Никита… Воплощение той мужской красоты, доброты и света, что уже не встречаются в этом мире. Он будто сошёл со страниц старой книги на грешную землю — не покорять, а просто озарять. И моё сердце навсегда осталось его владением.

Завтра будут звучать правильные тосты, дарить дорогие, бездушные подарки в блестящей бумаге. Будут спрашивать о планах на будущее, и я буду так же правильно отвечать. А в кармане — если бы у этого платья был карман — лежал бы единственный подарок, имеющий значение: цепочка с кулоном в форме лупы от него.

Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Что строю целый хрустальный мир на зыбком песке одного случайного разговора. Что его доброта — лишь привычная мягкость взрослого человека к тени из прошлого. Но затем я ловлю себя на мысли: я знаю его улыбку слишком хорошо. Знаю, как меняется глубина взгляда, когда он говорит что-то настоящее. А в тот вечер три дня назад — это было оно. Настоящее. Во мне нет уверенности, только эта всепоглощающая, безрассудная надежда.

Поэтому завтра я буду сидеть за праздничным столом, улыбаться и кивать. Но вся я — каждая мысль, каждое биение сердца — буду там, в параллельной реальности. Где он переступает порог нашего дома. Где его бархатный голос звучит не в телефонной трубке, а здесь, рядом, заглушая пустой гул светской беседы. Где он — единственный настоящий гость на этом пиру теней.

А после торжества, когда гости разъедутся и в доме воцарится выдохнутая тишина, я достану телефон. И, преодолев дрожь в пальцах, напишу ему. Не благодарность за смс. Не что-то безопасное и приличное. А правду. Один-единственный вопрос, что сжигает меня изнутри все эти три дня. И все двенадцать лет до них. Потому что жить дальше в неведении — уже невыносимо.

Вечер проходил именно так, как я и предполагала. Тёплый, гладкий, искусственный. Улыбки были будто приклеены, а поздравления — заучены наизусть. Я ловила себя на том, что автоматически поднимаю бокал, целую родственников и друзей родителей в щёку и даже смеюсь в нужных местах.

Но внутри стояла та самая выверенная, хрустальная тишина, которую нарушало лишь одно: холодок золотой цепочки на шее. Я решила надеть её и носила весь вечер под платьем, и кулон в форме лупы прижимался к груди, словно тихое, твёрдое напоминание о другой реальности.

Звонок в дверь заставил меня вернуться в этот мир. Мама пошла открывать с вопросом:

— Кто это решил посетить твой праздник?

— Мой? Мам, это ваш праздник, — ответила я, закатывая глаза от возмущения.

Я вслушивалась в голоса, доносившиеся со стороны входной двери, и не верила собственным ушам. Никита! Он пришёл!

— Катенька, ты помнишь Никиту? — спросила мама, входя в гостиную.

Я подняла глаза — и мы тут же встретились взглядом. Я, как и прежде, не могла отвести свой взгляд, он словно пленил меня. Чувствую, как щёки заливает краска, меня бросает то в жар, то в холод.

— Здравствуй, сыщица, поздравляю! — Никита протягивает мне букет красных роз и подарочный пакет.

— Спасибо! — только и смогла выдохнуть я.

Мама перехватила внимание Никиты на себя, начала расспрашивать, как у него дела, не обзавёлся ли семьёй. Обыденные вопросы, которые меня очень раздражали. И раздражали потому, что их задавала мама, а я не могла подойти к нему и поговорить, не выдав того, что чувствую.

Дальше звучали тосты: кто-то желал здоровья, кто-то успехов в учёбе. Краем глаза я заметила, что к нему подошла молодая красивая женщина, лет тридцати, и мило ворковала. Случайно касалась его руки, флиртовала, как умела, — на это было омерзительно смотреть.

Я поставила бокал на стол и вышла. Не могла больше наблюдать за всем происходящим.

— Дочка, ты куда? — обеспокоенно спросила мама.

— Я проверю… не волнуйтесь, — отозвался Никита и шагнул за мной.

Я бежала в свою комнату, не видя ничего перед собой, как вдруг он схватил меня сзади и обвил руками талию.

— Что произошло? — тихо произнёс он, когда я перестала вырываться.

— Возвращайся к гостям. Я хочу побыть одна.

— Я не к ним пришёл, а к тебе, — прошептал он мне в затылок. — Повернись, посмотри на меня.

С замиранием сердца я повернулась — и моё лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его лица. Я чувствовала, как сбивается его дыхание, точно так же, как и моё.

Я не выдержала напряжения между нами. Искры летали такой силы, что казалось, вот-вот произойдёт взрыв. Слова рождались сами, обходя ум, выливаясь прямо из того самого ожога, что жил под рёбрами все эти годы. Я задала тот единственный вопрос, что сводил с ума с той самой встречи:

— Почему вернулся именно сейчас?

Время остановилось. В ушах застучала кровь. Ответ прозвучал не сразу — это была вечность, прожитая в полном параличе.

— Я просто ждал, пока ты вырастешь. А сейчас… сейчас не могу больше ждать.

Сердце замерло, а потом ударило с такой силой, что перехватило дыхание.

Глава 8

Глава 8.

Время остановилось. В ушах застучала кровь. Ответ прозвучал не сразу — это была вечность, прожитая в полном параличе.

— Я просто ждал, пока ты вырастешь. А сейчас…не могу больше ждать.

Время раскололось. В ушах загудела кровь, глухо, как далёкий набат. Ответ прозвучал не сразу — целая вечность, прожитая в оцепенении, в ледяном параличе.

— Я просто ждал, пока ты вырастешь. А сейчас… больше не могу ждать.

Сердце оборвалось — и тотчас взорвалось в груди с такой неистовой, ослепляющей силой, что перехватило дыхание, сдавило горло стальным обручем.

— Это правда? — мой собственный голос звучит чужим, надтреснутым. — Ты говоришь правду?

— Катюш, я не в том возрасте, чтобы говорить то, что хотят услышать.

Я… Господи, я и вправду не сплю? Ущипните меня кто-нибудь. Я смотрю на Никиту — и кажется, ещё мгновение, и глаза мои вылетят из орбит, упрутся куда-то в затылок, до такой степени я ошеломлена, раздавлена, оглушена до самого дна души.

— Это значит?.. — выдыхаю я, и воздух обжигает лёгкие.

— Да.

Его руки ложатся мне на плечи. Он гладит их, едва касаясь тёплыми ладонями, и по всему телу пробегает мелкая, почти невесомая дрожь. Но он замечает. Он всегда всё замечает.

Он наклоняется — и его губы едва касаются моего лба. Поцелуй, лёгкий, чистый, словно в детстве. Я с самого детства ждала этого мгновения: чтобы мы стояли вот так, друг напротив друга, как принц и принцесса из старой-доброй сказки. И вот оно настало — а Никита целует меня в лоб.

— Но почему? — голос дрожит, срывается на тонкую, злую ноту. — Поцелуй меня по-настоящему. Я уже взрослая!

— Взрослой ты стала три дня назад, но это не значит, что я, как малолетний мальчишка, стану этим пользоваться.

Его слова падают как гром среди ясного неба — оглушительно, неотвратимо. Я поднимаю на него взгляд, полный слёз и жгучей обиды. Почему он так со мной? Разве я недостаточно красива для него? Ведь он сам пришёл! Сам. Я не просила. А теперь отказывается от меня.

В порыве, слепом и отчаянном, я бросаюсь к нему в объятия, в надежде, что сейчас он сдастся, поцелует меня по-настоящему — с языком, как в той мелодраме, что я смотрела тайком от мамы.

Клянусь! Я почти научилась целоваться… правда, моим партнёром был обыкновенный помидор, но это ничего не значит. Я почти умею. Я уверена.

А он… смотрит на меня, улыбается своей красивой до безумия улыбкой — и просто обнимает. Крепко, надёжно, как тогда, в детстве, когда я разбила коленку.

— Сыщица, — говорит он тихо, почти в самое ухо, — ты не понимаешь, что делаешь. Ты должна не просто вырасти физически, хотя и это важно. Куда важнее для девушки — да и для женщины — быть мудрой. Понимаешь?

Я застыла, чувствуя, как его слова проникают под кожу, оставляя после себя странный, горьковатый осадок. Мудрой? О чём он говорит? Какая мудрость нужна, когда внутри всё горит, когда каждое прикосновение его рук отдаётся током в кончиках пальцев? Я отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза — тёмные, спокойные, как омут, в котором я тону с самого детства.

— Никит, — голос мой звучит твёрже, чем я чувствую себя на самом деле, — я не ребёнок. Я понимаю, что такое любовь. Я читала книги, я смотрела фильмы… Я знаю, как это бывает. И я знаю, что чувствую к тебе.

Он вздыхает, проводит рукой по моим волосам, заправляя выбившуюся прядь за ухо. Жест кажется таким родным, таким привычным — и оттого ещё более мучительным. Потому что в нём нет той страсти, которой я жду. Есть только нежность, бережная, почти отеческая. И это разрывает мне сердце.

— Катюша, — говорит он мягко, но в голосе проскальзывают нотки стальной решимости, — любовь — это не только поцелуи и объятия. Это ответственность. Это умение ждать. Ты сейчас как цветок, который распустился раньше времени. Ты прекрасна — но ты ещё не набрала сил, чтобы выдержать бурю.

Я кусаю губу, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. Он прав — чёрт возьми, он всегда прав. Но от этого не легче. Я хочу быть для него не просто девочкой, которую он когда-то видел с коляской, в которой я возила куклу. Я хочу быть женщиной, ради которой он готов свернуть горы.

— Тогда научи меня, — шепчу я, почти умоляюще. — Научи меня быть мудрой. Я хочу стать той, кого ты не сможешь отпустить.

Он молчит долгую минуту. А потом берёт моё лицо в ладони — осторожно, словно я сделана из тончайшего фарфора — и смотрит так глубоко, что мне кажется, он видит каждую мою мысль, каждое сомнение. И в этом взгляде я наконец-то читаю ответ: он ждал меня не просто так. Он ждал, чтобы я сама нашла свой путь. Чтобы я стала сильной — настолько, чтобы идти с ним рядом, а не бежать следом, спотыкаясь о собственные чувства.

— Я научу, — говорит он, и его голос теперь звучит низко и ровно, как течение глубокой реки. — Но запомни, Катюша: я не буду подстилать тебе соломку. Если ты решила идти со мной — придётся учиться падать и вставать самой. Я буду рядом, но каждый твой шаг — это твой выбор.

Он отпускает моё лицо, и я чувствую, как прохладный воздух касается щёк, ещё хранящих тепло его ладоней. Я выдыхаю — медленно, стараясь унять дрожь в коленях. Он не обещает лёгкой дороги. И это лучше любых сладких обещаний. Потому что я знаю: он видит во мне ту, кто способна на большее.

— Тогда с чего начнём? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже. — С книг? С разговоров? С того, чтобы ты перестал видеть во мне ту девчонку с коляской? — я криво усмехаюсь, но в глазах всё ещё дрожит влага.

Он улыбается — краешком губ, той улыбкой, от которой у меня всегда замирает сердце. И в ней я читаю не насмешку, а одобрение.

— Нет, — отвечает он. — Начнём с самого простого. Научись сначала слышать тишину. Свою собственную. Потому что, пока ты не успокоишь бурю внутри, ты будешь искать её снаружи — в чужих словах, в чужих обещаниях. А я хочу, чтобы ты пришла ко мне цельной. Не ища во мне спасения, а деля со мной свою силу.

Глава 9

Глава 9.

Воскресенье я провела взаперти, в тишине своей комнаты. Никуда не хотелось идти, ни с кем не встречаться — даже тени желания не теплилось внутри. Я сидела, утопая в воспоминаниях: как Никита обнимал меня, как каждое его слово отдавалось эхом в моей груди, как голос его звучал — я прокручивала это снова и снова, словно заезженную пластинку, что уже протерлась до шипения.

Я не могла понять: почему он смотрит на меня как на ребёнка? Каждая клеточка моего тела кричала — я взрослая. И пусть в его глазах я всё та же наивная девчонка, которую он запомнил много лет назад, — я выросла. Неужели он этого не видит?

И чем дольше я думаю о нём, тем сильнее меня к нему тянет, будто незримая нить, что не рвётся, а только натягивается до звона. Мне хочется прижаться к нему — не для поцелуя в лоб или щёку, нет. Я хочу по-настоящему. Как взрослые. Чтобы ночи стали общими, чтобы целоваться под луной, особенно под дождём, как в той старой мелодраме, что я когда-то смотрела, замирая от чужой любви.

Я же вижу, как он на меня смотрит. У него так же бьётся сердце в такт с моим, он тоже не может отвести взгляд. Нас будто магнитом тянет друг к другу — магнитом, который не разбить в один миг, как бы ни пытались.

— Катюш, ты с нами? — мама удивлённо спросила, и голос её выдернул меня из сладкого плена. — Я тебе уже пятнадцать минут рассказываю историю, которую поведала Талита. Ты помнишь её? — она посмотрела на меня обеспокоенно. — Она была среди гостей в субботу.

— Конечно, помню, — ответила я, решив не спорить, хотя имя Талита не вызвало в памяти ни единого образа, — очень красивая женщина. Так что у неё случилось?

— Дочка, не пугай меня.

— Всё хорошо, мамуль. Просто завтра нужно появиться в офисе агентства, задумалась немного.

— Так вот, Катюш…

Она хотела продолжить, но в этот момент зазвонил телефон, и она отвлеклась. Я, честно говоря, не горела желанием слушать про какую-то Талиту и уж тем более про её приключения. Я никогда не любила рассказы о людях, которых не знаю.

Чтобы отвлечься, решила пойти приготовить одежду на завтра. В голове мысли совсем не о том, во что мне завтра идти в офис, а только образ Никиты и наш с ним разговор. Как смотрели на нас родители, когда я вышла вместе с ними провожать гостей.

Я это делала не для галочки, как было раньше, чтобы не краснеть перед родителями за то, что их дочь — нерадивая принцесса, а потому что я вышла провожать его.

Закрываю глаза и вижу, будто это происходит сейчас. Стою напротив. Родители что-то говорят Никите, а я не слышу абсолютно ничего. Я будто потеряла слух и частично зрение. Вижу только его глаза, которые неотрывно смотрят на меня. И ощущение: головой понимаю, что нельзя так делать в присутствии родителей, но ничего поделать с этим не могу.

Не могу просто взять и отвести взгляд. Я краснею, бледнею. Ладони уже вспотели от волнения. Но самое смешное и самое страшное одновременно: я волнуюсь не оттого, что мои родители поймут всё происходящее, а оттого, что я боюсь: вдруг он больше не придёт.

Так и прошёл мой день — в мыслях, в мечтах. Быть может, когда-нибудь это покажется всего лишь дешёвой драмой, сотканной из нитей, что вот-вот порвутся. Но пока этого не случилось, и что-то внутри шепчет: я так и останусь — девочкой с той самой детской любовью к человеку на двадцать лет старше.

Утром понедельника, собираясь в офис, я быстро выпила кофе, который сварила мама. Она варила его безумно вкусным — сколько себя помню. Сегодня мне просто необходимо было взбодриться перед выходом.

— Я убежала! — крикнула я, уже у двери. — До вечера!

В офис агентства недвижимости я пришла почти вовремя. Я подрабатывала там курьером — чтобы не сидеть дома и не тратить время на пустые гулянки. В конце концов, я сама могу купить себе бельё и сходить на маникюр с педикюром, не прося денег у родителей.

Родители, к слову, в шоке: я пошла работать, а не пользуюсь их деньгами. Этакая независимость — пусть минимальная, но всё же.

— Катерина, доброе утро! — улыбаясь, говорит Майя, помощница генерального. — Отвези, пожалуйста, этот пакет документов в ООО «Карат». До двенадцати он должен лежать на столе заказчика.

— Хорошо, до встречи.

«ООО „Карат“… — мысли закрутились так, что я едва за ними поспевала. — Что-то знакомое… Где-то я уже слышала это название».

В одиннадцать тридцать я уже открываю дверь в кабинет генерального директора.

— Добрый день. Пакет документов из агентства недвижимости для ознакомления. Подпишите, пожалуйста… — говорю и не смотрю, кто в помещении. — Вот тут, — указываю пальцем на строку «получил».

В ответ — молчание. Такое, знаете, которое ощущаешь каждой клеточкой тела. От него вибрирует воздух. Кончики пальцев начинает покалывать, по спине пробегает ощущение, будто невидимые пальцы едва касаются каждого позвонка, и дрожь — приятная, сладкая, до мурашек.

Такое бывает только тогда, когда рядом он… Не может этого быть.

Я резко вскидываю голову и встречаюсь глазами с Никитой. Как такое возможно? В голове — сотня вопросов и ни одного ответа.

— Привет, сыщица, — начинает он первым. — Ты вовремя. Ответственная моя Катюша.

— Привет… Но как?..

— Я знаю, что ты работаешь в том агентстве. Ещё в пятницу мне позвонили и сказали, что пакет документов готов. — Он не прерывает зрительного контакта. — Я хотел, чтобы ты пришла. Ты не рада?

Простите, но я не смогла сдержать эмоций. Пусть Никита и говорил, что я должна быть сдержанной. Я бросилась к нему в объятия — как маленькая, которая так ждала своего человека и наконец дождалась.

Он обнял меня. Я прижалась к его груди и вдохнула его запах — мне хочется делать это снова и снова. Он провёл костяшками пальцев по моей щеке, поцеловал в щёчку, задержался на мгновение… И, клянусь вам, я чувствовала, как он внутренне боролся с собой.

— Маленькая, я скучал… — прошептал он, и его губы накрыли мои.

Глава 10. Никита

Глава 10.

Я знал ещё в пятницу: в понедельник она должна принести документы на ознакомление. Но Катюше — ни слова. Пусть будет сюрприз. От предвкушения встречи я просидел все выходные как на иголках — ей-богу, хоть успокоительное глуши.

Не хот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.